

В. Д. Бонч-Бруевич

Ленин и Вольнов

(выдержки из дневника)

Москва 2008

Иван Егорович ВОЛЬНОВ
с 1911 по 1917 гг. жил в Италии в среде российских писателей и
интеллигенции, которая сформировалась вокруг А.М. Горького
на острове Капри

В начале октября 1919 года Алексей Максимович Горький сообщил мне по телефону, что арестован Иван Егорович Вольный (арестован в городе Орле) за то, что вслух критиковал незаконмерные действия местных орловских властей, которые причислили его к эсерам. Отобрали у него все рукописи, сделали безрезультатный тщательный обыск, засадили в одиночку и, по словам Горького, грозили его расстрелять. Алексей Максимович просил меня обо всем этом довести до сведения Владимира Ильича.

Владимир Ильич сам хорошо знает Ивана Вольного и, кажется, относится к нему вполне хорошо. Надо спасти его и рукописи затребовать сюда. Вы, батенька, – говорил мне Алексей Максимович, – как что выясните – позвоните мне сюда, а то я сильно беспокоюсь за Вольного, ручаюсь за него и готов взять его на поруки.

Я спросил у Алексея Максимовича, откуда у него все эти сведения?

— Телеграммы пришли и человек приехал, все рассказал мне.

— Я пообещал сейчас же приняться за это дело и прежде всего позвонил Дзержинскому. Оказалось, что Феликс Эдмундович ничего про этот арест не знает и обещался тотчас же все выяснить по прямому проводу. Я пошел к Владимиру Ильичу и по просьбе Горького рассказал о случившемся. Владимир Ильич задумался и сказал:

— В Орле что-то творится нехорошее... Сколько жалоб оттуда... Вы подберите весь материал.

Я сказал, что у меня уже почти готов доклад ему о нескольких городах и местностях, где далеко не все благополучно... В некоторых местах, например, в городе Дмитрове, анархисты захватили власть и безобразничают ужасно.

— Надо со всем этим круто покончить, – отрывисто сказал Владимир Ильич, тотчас же написал телеграмму председателю Орловского губисполкома, в которой предлагал немедленно освободить Ивана Вольно-

го, отдать его на поруки Алексею Максимовичу Горькому. Вольному обеспечить беспрепятственный проезд до Москвы, охраняя его. Рукописи, отобранные у него, сейчас же ценной посылкой прислать в Кремль в адрес Управления делами Совнаркома. Телеграмму Владимир Ильич закончил словами: «Ивана Вольного я хорошо знаю и ручаюсь за него».

— Прочтите эту телеграмму Алексею Максимовичу, – сказал он мне вдогонку, когда я спешил уйти на наш телеграф для передачи распоряжения Владимира Ильича по прямому проводу.

Я заказал провод и тут же соединился с Алексеем Максимовичем, которому прочел телеграмму. Алексей Максимович был очень рад телеграмме, очень трогательно говорил о безмерной чуткости Владимира Ильича.

— Последние слова телеграммы превышают все, – говорил мне мягким грудным голосом Алексей Максимович; – И какая простота...

— Очень благодарю Вас за оперативность, – сказал мне Алексей Максимович, узнав, что меня зовут к прямому проводу.

Я тотчас же передал лично председателю исполкома телеграмму Председателя Совета Народных Комиссаров, сказав ему, чтобы он сейчас же, не отходя от прямого провода, сделал бы распоряжение по телефону начальнику Орловской тюрьмы об исполнении приказа Владимира Ильича и сию же минуту продиктовал бы телеграмму на имя Владимира Ильича о точном выполнении его приказа.

— Имейте в виду, – прибавил я ему, – вы лично ответственны за жизнь писателя Ивана Вольного.

— А разве он писатель? – неожиданно получил я надпись на ленте, – а я и не знал, – заканчивался этот недоуменный вопрос. Я сжато сообщил ему, кто таков Иван Вольный, и получил в ответ:

— Чудак, что же он мне ранее не сказал? Я сам поеду за ним в тюрьму и возьму его к себе на квартиру...

— Действуйте! – закончил я разговор, – Все донесите телеграммой Владимиру Ильичу и сегодня же Вольного отправьте в Москву.

Я пошел к Владимиру Ильичу, чтобы передать ему этот колоритный разговор. Владимир Ильич внимательно выслушал и тихонько сказал:

— Что будешь делать? Все та же нехватка культуры... Надо учить и учить... А вы следите за этим делом. Как придет Вольный, сейчас же

доставьте его ко мне. Он наверное много видел. Он очень наблюдателен и, вероятно, расскажет нам многое интересное, прямо из жизни.

Я предполагал, что Вольный приедет к вечеру. А его все не было и не было... На другой день за полдень явился из Орла человек.

А где же Вольный? – недоумевающе спросил я посланного.

Он замаялся и на настойчивые мои вопросы стал говорить, что председатель тайком перевез его к себе домой и содержит его у себя под замком, поставив в квартире двух надежных красногвардейцев.

— Опасно его везти на вокзал. Ребята очень обозлены, что его освободили; хотели расправиться; говорят, он враг, нас критикует и не одобряет, а, стало быть, он сам буржуй и за буржуев стоит...

Такие рассуждения мне неоднократно приходилось слышать, особенно от провинциальных агентов власти, совершенно тогда не допускавших мысли, что они могут ошибаться и что их так же возможно критиковать, как и всех других. Я пошел к Владимиру Ильичу и рассказал ему об интересных рассуждениях приезжего.

— Этого орловца давайте-ка мне сюда... – сказал Владимир Ильич. Я позвал товарища; он был смущен. Робко сел на кончик кресла и, заикаясь, стал отвечать на пытливые вопросы Владимира Ильича. С большим вниманием выслушал все Владимир Ильич и очень терпеливо, подробно, ясно разъяснил приезжему, что они неправильно понимают свои обязанности, неверно толкуют принцип «власть на местах», что действия их во многом противозаконны и самовольны, и что за все это они ответственны перед законами страны и перед судом:

— Все это передайте товарищам. Мы к вам подошлем людей, и они вам все разъяснят.

Приезжий ушел, а Владимир Ильич тотчас же потребовал к телефону Дзержинского. Он рассказал ему все, что мы знали по этому делу.

— Надо в Орле навести порядок, чтобы там «ребята» не безобразничали. Вольного сейчас же доставьте в Москву и прямо с вокзала ко мне сюда, в кабинет, – закончил он разговор с Дзержинским.

Прошел день, другой, а Вольного все не было, Алексей Максимович очень волновался и несколько раз говорил в разговоре со мной по телефону:

— Убьют они его, обязательно убьют!

Я всячески успокаивал его, чувствуя сам, что дело-то идет плохо. За эти дни я несколько раз говорил с Орлом по прямому проводу. Председатель исполкома честным словом своим заверял, что Иван Егорович Вольный жив, цел и невредим, что он отсиживается у него на квартире, но что в Орле очень озлоблены против эсеров, а его считают за такового. Для меня было ясно, что все «озлобление» сосредоточено в ВЧК, агенты которой считали себя «народными мстителями», хотя им этого звания никто не присваивал, очень досаждают, что в Москве вмешались в их дела и не дают учинять им свой суд и расправу, как они хотят и с кем хотят. Дня через три Владимир Ильич опять пригласил к себе Дзержинского и указав на полную анархичность и незаконность его орловских подчиненных, предложил ему немедленно навести там порядок и не только заставить подчиняться, но примерно наказать тех, кто не подчинялся распоряжениям центральной власти. Дзержинский был всем этим очень смущен и сказал Владимиру Ильичу, что он сейчас же примет самые серьезные меры. Через пару дней, в двенадцать, из будки Троицких ворот мне позвонили, что писатель Вольный желает пройти ко мне в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Я приказал выдать пропуск и проводить Вольного прямо ко мне. Вскоре я увидел Ивана Егоровича, с которым встречался и раньше. Мы поздоровались, и он рассказал печальную историю, произошедшую с ним в Орле.

— Да, вот, Владимир Дмитриевич, являюсь я к Вам с того света, совершенно случайно оставшись в живых... Начальство посадило меня в вагон на соседней станции, куда я был доставлен на автомобиле без ведома моих «друзей» из ВЧК. Очень они на меня злы за то, что я разоблачил несколько их вопиющих преступлений, безобразий и издевательств над ни в чем неповинными гражданами...

Я сейчас же пошел к Владимиру Ильичу и сообщил ему о прибытии Ивана Вольного и в нескольких словах передал ему то, что он мне рассказал. Владимир Ильич тотчас же пригласил его к себе. Они встретились очень хорошо, как старые знакомые. Оказалось, что Владимир Ильич встречался с ним за границей. Владимир Ильич подробно расспрашивал его обо всем его деле.

— У меня и дела-то никакого нет! — воскликнул Вольный. — Я не

мог вытерпеть этой разнузданности власти и невероятного преследования всех, кто подвернется под руку, этих безобразий, которые творили продовольственные заградительные отряды, этой полной бессудности и беззакония ВЧК. Я об этом говорил вслух, писал в газеты, председателю ВЧК, жаловался прокурору. Мне грозили, требовали, чтобы я замолчал, а я отказался, ну вот, и угодил в каталажку. Я и там не молчал, а говорил то же, что говорю Вам... Мне сказали, что меня расстреляют. Это дело ваше – ответил я им, а я до смерти буду обличать ваше беззаконие и разоблачать ваши дела, – это велит моя совесть. Да вот, Вы подоспели на выручку. Меня освободили, спрятали. Теперь я у Вас в кабинете, а что будет дальше – я не знаю.

Владимир Ильич успокаивал его, но он и не думал волноваться, говорил тихо, спокойно, образно приятным, задушевым голосом и все время немного посмеивался, убежденный в своей правоте.

— Мы все это тщательно расследуем, – заключил Владимир Ильич. – Я знаю, что в аппарат власти кое-где проникли враждебные элементы, анархисты, даже бандиты... Мы их ловим, удаляем, уничтожаем...

— Где думаете остановиться? – озабоченно спросил Владимир Ильич Ивана Егоровича.

— Пойду к Горькому. Он меня примет.

Я сказал ему, что рукописи его должны прибыть сюда, в Управление делами, и будут пока сохраняться здесь.

— Пожалуйста, если можно, сохраните их... Со мною все может быть, а это все мое литературное достояние... Мне они очень дороги...

Я обещал ему их сохранить и выдать список их, чтобы он знал, что именно у нас находится. Владимир Ильич пристально посмотрел на него и спросил:

— Чего Вы опасаетесь? Разве Вы в конфликте с Советской властью?

— Что Вы, Владимир Ильич, – ответил он, искрение удивляясь. – Советская власть – это моя власть, о чем я мечтал всю жизнь, хотя и не представлял себе, как это все будет, но по идее вот так именно и думал, как всегда думали большинство рабочих, а вот с теми, кто присосался к Советской власти из-за корыстных интересов, вот с этими орловцами из ВЧК – я действительно в конфликте был и буду... Вот они-то, уверяю

Вас, будут за мною всюду охотиться. Я им мешаю, им надо избавиться от лишнего свидетеля.

— Я думаю, уж это Вы преувеличиваете, — сказал Владимир Ильич, вставая... — Но если что вдруг случится — дайте мне знать.

И он ласково расстался с Иваном Егоровичем, шепнув мне отправить его к Горькому на автомобиле и с кем-нибудь... Мы вышли из кабинета Председателя Совета Народных Комиссаров. Я распорядился вызвать машину, о чем сказал Вольному, и, посадив с шофером надежного сопровождающего, отправил его на квартиру Горького. Владимир Ильич сейчас же потребовал к себе Дзержинского и рассказал обо всем, что сообщил ему Иван Егорович Вольный. Дзержинский пробовал полуоправдывать местных деятелей ВЧК, говоря, что весьма резкие, горячие речи возбуждают население, их подхватывают контрреволюционеры, и он, Вольный, таким образом является, может быть невольным, рупором белогвардейщины.

— Отчасти это верно, — сказал Владимир Ильич, — ему все это надо было разъяснить, он художник, писатель, на все реагирует по особенному, а его вместо этого — в одиночку. Куда это годится? Дела же которые он обличал, действительно безобразны, нас компрометирующие и дающие полное основание к негодованию многочисленных, обывателей. Надо все это немедленно исправить; кое-кого арестовать, может быть, парочку-другую расстрелять и совершенно изменить способ воздействия на обывателей. Все эти запугивания, угрозы — давно пора бросить. Мы не для того создавали власть на местах, чтобы она хулиганила и не давала жить народу. А Ваше учреждение надо усиленно просмотреть, просеять и изменить в нем порядки.

Дзержинский очень волновался, вскакивал, ходил по комнате и обещал все выправить.

— Как все это нам мешает, Владимир Ильич?! — воскликнул он.

— Что именно?

— Да все эти жалобы и все эти безобразия. — И он расстался, обещав звонить по этому орловскому делу,

Прошло несколько дней, как я получил от сына Горького следующее письмо, очевидно потому от него, что Алексей Максимович в это время отсутствовал и Москве: «16 октября 1919 года. Многоуважаемый

Владимир Дмитриевич! Вчера вечером в 11 часов снова арестован агентами «Особого отдела при ВЧК» Иван Егорович Вольный. Когда я хотел при обыске позвонить Вам или товарищу Дзержинскому, комиссаром, производившим обыск, мне было заявлено, что если я по поводу этого ареста буду telefonировать кому бы то ни было, то я сам буду арестован, а телефон сорван. После этого Иван Егорович был увезен. Протокола составлено не было. Причина ареста неизвестна. Надо думать, что это недоразумение. С товарищеским приветом М. Пешков».

Известие это крайне изумило меня. Я немедленно отправился к Владимиру Ильичу и показал ему письмо, которое было адресовано лично мне. Владимир Ильич тоже был ужасно удивлен этому сообщению. Он тотчас же позвонил Дзержинскому. Тот выразил явное изумление.

— Как? Иван Вольный арестован? Когда? Кем?

— Вчера вечером в одиннадцать часов, — отвечал Владимир Ильич, держа письмо в руках и цитируя его. — Вы спрашиваете? Вашими агентами, запретившими даже Вам об этом сообщить!.. Сообщите мне все по этому делу... — строго сказал Владимир Ильич, — а жизнь Вольного на Вашей личной ответственности... Это серьезно! — и Владимир Ильич повесил трубку.

— Какой, однако, произвол у Дзержинского... Звоните ему почаще и требуйте немедленного разъяснения. Алексею Максимовичу сообщите, что приняты все меры, что я лично сам наблюдаю за этим делом.

Я ушел к себе и прежде всего позвонил Горькому. К телефону подошел сын Горького.

— А где Алексей Максимович?

— Он под Москвой на даче. Я ему уже сообщил...

Я передал сыну Горького все то, что сказал Владимир Ильич, и просил не волновать Алексея Максимовича, говоря, что это действительно недоразумение, которое сейчас же выяснится. Дзержинский расследовал все у себя и часа в три сообщил мне, что все это — недостатки управленческого механизма:

— Из Орла пришло «дело» Ивана Вольного с указанием на необходимость его задержания и следствия над ним. Дежурный поспоропился, мне ничего не сказал и по орловскому ордеру произвел арест,

почему и протокола не составил, так как это было продолжение орловского дела. Ошибка... Сейчас все исправим, – добавил он.

Я выразил крайнее недоумение по поводу всех этих замечательных порядков, где низшие власти его учреждения господствуют над высшими и над ним самим.

— Что поделаешь! Не сердитесь, Владимир Дмитриевич. В революции все бывает. Демократия... Ошибка... – торопливо говорил он. – Сейчас все исправим...

— А что Вы думаете делать дальше? – спросил я его.

— Да вот, прежде всего отменим распоряжение об отправке его в Орел!

— Как в Орел? – невольно воскликнул я. – Там же есть личное распоряжение Владимира Ильича о доставке его в Москву.

— Ну да, ну да, конечно... Да вот, видите, все бывает... Несогласованность... Анархические действия... Озлобление масс.

— Полноте, – резко сказал я ему, – это совершеннейшее разгильдяйство Среди Ваших подчиненных, за действия которых ответственны Вы и больше никто... Революция здесь не при чем, а вот анархия в Вашем учреждении – это несомненно... Неужели Вы все это не прекратите сейчас же железной рукой и не разгоните этих бандитов?..

— Обязательно, немедленно расстреляю! – кричал он.

— Смотрите, как бы они раньше не расстреляли Вольного?..

— Что Вы, что Вы! Я его переведу к себе в кабинет.

— Да Вы просто освободите его...

— Обязательно, но сейчас нельзя... Дело заведено... Следовательно усиленно допрашивает, а он ругается... Я сам сейчас возьмусь за это дело...

— Да, ведь, и дела-то никакого нет... – ответил я ему. – Владимир Ильич с ним долго беседовал.

— Ну, да, конечно... Ну, посидит у меня еще часок, другой, допросим... Я бегу...

И разговор наш закончился, Я тотчас же рассказал все Владимиру Ильичу. Он был ужасно возмущен, негодовал:

— Ну и порядки! – повторил он несколько раз. – Вы не оставляйте его в покое... Звоните ему через час – как он обещал... Я звонил через час,

другой, еще и еще, но дело стояло все на том же месте: шел допрос. Владимир Ильич сам звонил Дзержинскому. Тот извинялся, торопился, говорил, что очень интересные данные...

— О ком? – спросил Владимир Ильич.

— Об орловцах, – очевидно, был ответ.

— Да об орловцах Вы можете когда угодно допросить его на свободе. Зачем же держать хорошего писателя, друга Горького в узилище?.. Это производит ужасное впечатление...

Дзержинский заявил, что он торопится изо всех сил. Так прошел вечер и ночь шестнадцатого октября, а Ивана Вольного все не освобождали... Семнадцатого октября часов в 10 утра раздался звонок.

— Я всю ночь сидел, поджидал Вольного, – хрипел, кашлял, говорил тяжелым голосом, задыхаясь Алексей Максимович. – Когда же, наконец, его освободят?.. Ведь это черт знает что!.. Башибузуки какие. Так жить нельзя... – и голос его оборвался, трубка телефона застучала, и мне показалось, что он упал...

Я стал звонить к ним; никто не подходил. Я велел звонить без перерыва. Запросили телефонную станцию. Сообщили, что его трубка не повешена. Я хотел немедленно ехать туда, к нему... Раздался звонок.

— Это я, – говорил чуть слышным, слабым голосом Алексей Максимович и закашлялся. – Скажите Владимиру Ильичу, что это ужасно! Что это нельзя терпеть... Я больше не могу... – и все смолкло.

Кто-то подошел, взял трубку, и женский взволнованный голос торопливо сказал:

— Алексею Максимовичу дурно, он болен... Его увезли... Он очень взволнован... Всю ночь не спал...

Я осведомился, не нужно ли прислать доктора.

— Уже вызвали... Сейчас приедет... Пожалуйста, хлопочите о Вольном... Его судьба убивает Алексея Максимовича...

— Делаю все возможное, – ответил я.

Владимир Ильич крайне взволновался, узнав о нездоровьи и волнении Алексея Максимовича. Он сейчас же еще раз позвонил Дзержинскому и категорически потребовал немедленно освободить Вольного и приехать ему, Дзержинскому, вместе с Вольным к нему в Кремль, Дзержин-

скому, как я понял, этого не хотелось. Но Владимир Ильич был непреклонен и твердо настоял на своем. Через час Вольный был вместе с Дзержинским в кабинете Владимира Ильича.

— Ну, как? – спросил его Владимир Ильич, приветливо здороваясь с Иваном Егоровичем, пристально всматриваясь в его усталое лицо.

— Да что, да вот, не спал две ночи!.. Все допрашивали, знаете, так – в круговую... Один устанет, другому передают, свеженькому; тот начинает ту же волынку... Все хотели состряпать контрреволюционный орловский заговор, а меня поставить во главе его. Я им отвечал: заговор против Советской власти несомненно есть. Ищите его в ВЧК, – и назвал тех, кто во главе этого заговора, – нескольких бандюг в черных куртках... А они не хотят этого писать... А мне самому писать показания так и отказали... Говоришь им одно, а они записывают другое и тут же требуют: подпиши. Да вы же наврали все! – говорю им. – Я этого ничего вам не говорил.

— Ну, все равно: скажешь, – кричат на меня, – мать твою растак... – Без этих прилагательных там никто не обходится; вот он, – и Вольный показал на Дзержинского, – воздерживается от этого, подогревая себя папиросками с зеленым дымом... Один уж очень лют был и ногами топал... За табуретку брался... Я предупредил его, что я очень сильный и отвинчу ему голову своими руками, если он посмеет еще поднять на меня руку... Силища у меня во какая, – и он встряхнул согнутыми на мускулах руками. Ничего, немного посмирел... Требовали протокол подписать, это их-то вранье контрреволюционное... Я, конечно, отказался...

— Ах, так, – говорят, – вот посмотришь, вот увидишь, сгноим мы тебя здесь...

— Я подошел к нему вплотную, да и бахнул: не запутаешь, чертова кукла, я сам стреляная птица, царя не боялся, жандармов его не боялся, а тебя, дрянь ты эдакая, сопля зеленая, – не только не боюсь, а считать ни во что считаю...

— Извините, – сказал он, смутясь и как-то виновато смотря на Владимира Ильича, – сердце зашло, просто беда! Весь мой пролетарский старый пыл поднялся, так бы его, окаянного, и придушил бы, уж очень мне он противен стал... Тот отошел.

— Ты что это, – говорит, – разошелся. Я сам рабочий... – и весь

форс с него вдруг соскочил, и стал он походить на человека, а не на гадину какую-то...

— Какой ты к черту рабочий! – говорю ему. – Разве рабочий может себя так вести?..

— Мы так обучены, – говорит.

— Обучены? – и Вольный скорчил рожу, передразнивая кого-то... – Вот ты обученный, а врешь как сивый мерин...

— А тут вот они взошли, – вежливо и чуть улыбаясь сказал Вольный, склоняя голову в сторону Дзержинского. – Переглянулись. Тот встал, вытянулся, одернулся...

— Ну, что, – говорит, – готово?

— Готово, – говорит, —да вот, подписать отказывается...

— Ну что же, – его дело. – Пойдемте... – обратились ко мне, – и мы пошли; вышли из этого страшного дома и сели в автомобиль, и вижу теперь – прямо к Вам приехали... Так с тем-то обученным рабочим разговор у меня и не закончился, а жаль... Уж очень заинтересовало меня, чему это и кто это их там обучает... Лиходеи какие-нибудь – не иначе, как они...

Владимир Ильич был весь внимание. Ничего не сказал, не проронил ни одного слова, только изредка поглядывал на Дзержинского.

— Ну, вот, Вы теперь свободны, поезжайте к Алексею Максимовичу: он Вас ждет...

И Владимир Ильич подал ему руку. Ивану Егоровичу дали автомобиль, и он уехал. Владимир Ильич Дзержинского оставил у себя. Заперся с ним в кабинете. Приказал его не беспокоить и часа два проговорил с Феликсом Эдмундовичем. Взволнованным, красным, нервным вышел он от Владимира Ильича. Мне известно, что в ВЧК. – превращенную в ГПУ, – вскоре были произведены большие реформы. Там была проведена основательная чистка, и многие из следователей и других должностных лиц были устранены, а некоторые расстреляны. Иван Егорович Вольный был освобожден семнадцатого октября часа в три дня. На подлиннике письма Максима Пешкова – сына Алексея Максимовича, – моей рукой сделана пометка: «Освобожден 17.10.1919 г. В. Б.-Б.». Таким образом, здесь, в Москве. Иван Вольный просидел во внутренней тюрьме ВЧК (на Лубянке) с пятнадцатого октября вечера до трех часов дня семнадцатого октября, то

есть почти двое суток, проведя две ночи на беспрерывных допросах.

Недели через три Иван Егорович Вольный позвонил ко мне в Управление делами Совнаркома и сказал, что он хотел бы на минутку видеть Владимира Ильича, – так как он уезжает и хотел проститься с ним. Я сообщил об этом Владимиру Ильичу и назначил прием на другой день. Вольный пришел. Он отдохнул и поправился, живя у Горького. Лицо его было совершенно спокойно. Он все так же немножко улыбался, весь был приятный, мягкий, добродушный. Владимир Ильич хорошо его принял и стал расспрашивать о нем и о Горьком. Долго они оживленно разговаривали.

— Куда же Вы теперь?

— Да, вот, пошляться по России задумал. Повидать, как мужички живут и народ вообще. Хочу очерки писать, в которых отобразить современность... В народе-то перелом большой... Все иначе пошло... Интересно все это, очень интересно...

Владимир Ильич одобрял этот план и обязал Вольного писать ему обо всем и, чтобы не было недоразумений с местной властью, Владимир Ильич тут же от руки написал ему маленькую охранную грамоту, где он писал, что лично знает Ивана Егоровича и рекомендует его местным властям с самой лучшей стороны, что он просит оказывать ему всяческое содействие. Иван Егорович Вольный был очень тронут этим вниманием Владимира Ильича, очень благодарил его, обещал все писать и попросил Владимира Ильича рукописи его, если они придут сюда, похоронить в архиве Управделами. Владимир Ильич тут же разрешил ему это. И они расстались. Вскоре, девятого ноября 1919 года я получил письмо от Ивана Егоровича из Шереметьевской больницы. Привожу его текст: «Москва. Шереметьевская больница. * 9.XI.1919. Болезнь помешала мне, глубоководуважаемый Владимир Дмитриевич, своевременно поблагодарить Вас, а через Вас и Владимира Ильича, за заботы о рукописях моих. Быть может, они найдутся (я плохо верю в это). Но заботы Ваши и Владимира Ильича о них крепко ободрили меня: стало быть, то, что я делаю, то есть пишу о муках и радостях народа моего, нужно не мне одному, а и народу, России, – у меня найдется еще больше сил, крепости и любви написать

* Ныне НИИ скорой помощи г. Москвы им. Н. В. Склифосовского.

вдвое, втрое больше того, что уничтожено бестолковыми малограмотными людьми.[†] Через три дня я все-таки еду на сыпняк в Самарскую губернию.[‡] Если останусь жив, меня, вероятно, через пару месяцев качнет еще куда-нибудь: хочется ездить, видеть, впитывать в себя все – святое и грязное, необычайное, небывшее, неповторимое, – грудь горит от восторга, что живу в это исключительное время. И вот эта жадность впитать в себя все, что может вместить душа, толкает меня к новым бродяжествам, голоду, оскорблениям, опасности, порой – распятию духа. Я не могу сидеть на месте, не должен, не имею права; я знаю: теперь уже вылиты бочки зловония на русскую революцию; если она будет раздавлена, на нее и народ, ее создавший, потекут сточные ямы мира, и в этом грозном и подлом потоке затянутся илом светлые жемчужинки революции, теперь незаметно разбросанные по всей Руси – и я буду ходить, ездить, собирать и хранить их в сердце своем, чтобы потом с восторгом рассказать о них миру. Крепко жму руку Вашу Ив. Вольный.

Более мне не пришлось видеть Ивана Егоровича. Довольно долго о нем ничего не было и слышно. И вдруг пришло известие, что он умер, заразившись в пути сыпным тифом. С поезда он был снят почти в бессознательном состоянии на какой-то станции, помещен в железнодорожную больницу, где и скончался, не приходя в сознание. Похоронен, как сообщали, в братской могиле умерших от сыпного тифа. Владимир Ильич был очень огорчен этим известием.

[†] При аресте И. Е. Вольнова и его рукописей в Куракино Малоархангельского уезда Орловской области, т. е. на родине писателя 15.09.1919. Этапированный из Малоархангельска в Орел, он сообщил А. М. Пешкову об аресте в Петроград, что и послужило началом описываемого «дела».

[‡] По совету Горького и содействии Семашко И. Е. Вольнов и его будущая жена М. М. Федорюк были зачислены в сформированный в Москве 2-й Сводный Эпидемический отряд Санитарно-Эпидемиологического отдела Наркомздрава. ' — Отражение воспоминаний о разгроме Первой русской революции 1905—1907 гг., когда И. Е. Вольнов за 1904—1917 гг. пережил каторгу, пытки, ссылку, политическую эмиграцию. Преломление этих воспоминаний после Брестского договора, голода, разрухи: в составе России остались хлебоборные губернии Курская, Воронежская, Тамбовская, Уфимская, Вятская, фронтовая Орловская. С июня 1918 г. продразверстку осуществляли продовольственные отряды под главнокомандованием Буслановича. (Прим. Алексея Вольнова).

Примечание: Фамилия Ивана Егоровича Вольнов. Некоторые свои литературные труды он до революции подписывал Вольный. Видимо по этому А.М. Горький представлял его как Вольного.

Сведения о смерти Ивана Егоровича не верны. Он трагически погиб (скорее всего, был убит) в январе 1931 г. в его родном селе Богородицкое Орловской области. Похоронен по решению односельчан при въезде в село.

*Италия, о. Капри, 1929 г.,
слева направо: секретарь А.М. Горького Крючков, А.М. Горький, И.Е. Вольнов*

Ирина Кунина
«Московская правда» от 16 мая 1998г.

Среди бумаг, изъятых у Екатерины Павловны (жены А.М. Горького) московской «черезвычайкой» 22 июля 1919года, обращает на себя внимание письмо без конверта, написанное на четвертушках бумаги каллиграфическим почерком. Орфография старая, с ерами и ятями. Привожу его полностью.

И. Е. Вольнов. Фото с дарственной надписью Е. П. Пешковой.

«17.IV.19. Орёл.

Дорогая Екатерина Павловна,

Удалось ли Вам переслать деньги Шуре? Кажется, от того, что у меня всё меньше остаётся веры видаться с ней и Ильёй, я особенно волнуясь, думаю о ней.

Вчера меня выпустили (благодаря телеграммам Алексея Максимовича и Ленина). Если бы не их вмешательство, открутили бы голову.

Страшно сейчас жить в деревне. Никогда так не мучили мужиков, – и столько тоски в их лицах! Создали из меня какого-то «защитника» их, писали и приписывают мне необыкновенные, никогда не бывшие во мне, качества святости и всемогущества, грубо и наивно верят в легенды вокруг моего имени, и эта вера, и эти легенды, которыми также верит начальство, стоили было мне жизни. Приравнивали меня к подвизающемуся здесь бандиту-мстителю, который воюет с советами и Ждут от меня чуда, требуют его. Чуть не за сотни вёрст приезжают с жалобами на утеснения, обиды, жесткости, напрасные смерти. Ищут какой-то правды в жизни, ещё не изверились в революцию. Когда посадили меня в острог, гурьбами приходили ко мне и плакали: в загоне, изнасилована мужицкая правда. Это я-то, закрутившийся, ополоумевший от неразберихи, их советчик и правда! А теперь ещё с венком мученичества! Хочется выть от боли и обиды за них. А рядом: эти страстотерпцы, страстотерпцы в истиннейшем смысле слова, наивнейшие мечтатели, «импрессионисты» (о, как родна моя импрессионистическая душа их душам!), верящие трогательно, неуклюже в революцию, в высшую, теперь загнанную, правду; рядом с этим никогда не лилось столько слёз от этих страстотерпцев разными пасынками деревни, как в настоящее время. Они как будто вымещают свою злобу на них никогда, никогда не процветало так в деревне хамство. Забыты наивный Акимовский Бог, совесть, элементарнейшее понятие морали, – всё полетело к чертям! Дерут *последнюю* сумку с ничего. Скорее бросят собаке хлеба, чем голодному, с таким-то болезненным злорадством рассказывают, как сплавляют в город дохлых свиней, коров, птицу: сожрут, сволочи!... Не то это месть городу за обиды, не то разнузданность – гримасы Хама. Вот атмосфера, в которой я верчусь, и которая, как вонючая слизь, обволакивает меня, и от которой я всё боль-

ше балдею, балдею, сжимаюсь в скулящий комочек или *неистовствую* в минуты отчаяния. Я совершенно не касаюсь другой области, начальственной, насадителей «социализма», кровавогрязной, тупой и дикой, где захлёбываются муками наивные и светлые мечтатели (ведь среди них попадаются в наших краях такие экземпляры) и где Хам торжествует на-

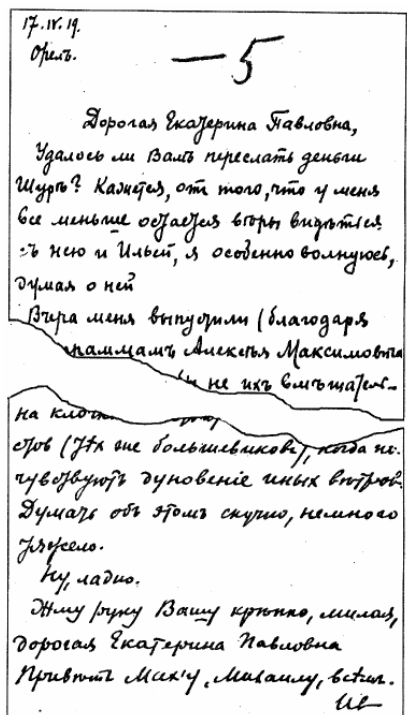
прополую – этакий огромный, ражий, самодовольный, хохочущий, с волосатыми кулаками в крови, – царь и бог.

Мне сейчас воспрещен выезд из Орла. Я на поруках у большевика. Здесь расстреливают даже за хранение, без *разрешения, револьверов*. Здесь все говорят друг другу: товарищ, и надсадно и зло гримасничают при этом. И будут рвать на клочки действительно социалистов (тех же большевиков), когда почувствуют дуновение иных ветров. Думать об этом скучно, немного тяжело.

Ну ладно.

Жму руку Вашу крепко, милая, дорогая Екатерина Павловна.

Привет Максу, Михаилу, всем
Ив.».

Сочный язык, умелое построение фразы выдают в авторе письма писателя, а лаконичная подпись говорит о том, что писал человек близкий, уверенный в том, что без обозначения фамилии, просто по почерку будет узнан. Никаких помет, удостоверяющих личность автора, в деле не хранится. Как установить, кто это?

Первоначальная подсказка есть в самом тексте: «Вчера меня выпустили (благодаря телеграммам Алексея Максимовича и Ленина)». Можно

взять ленинскую переписку за 19 год и поискать там орловца, выпущенного из тюрьмы по телеграмме вождя.

Возвращаюсь к началу письма: «Удалось ли Вам переслать деньги Шуре?» – это имя мне ни о чём не говорит. «Кажется, от того, что у меня меньше остаётся веры видется с нею и Ильёй».. Если деньги надо переслать Шуре, а не Илье, возможно Илья ребёнок? А почему деньги им должны пересылаться через Пешкову, не находятся ли они за границей? Ну-ка попробую ещё раз: предположим, что автор – орловский писатель, Шура – его жена, Илья – её сын, и автора письма тоже?

В окружении М. Горького известен мне один писатель, у которого сын Илья рос в Италии, и в горьковском томе у меня есть закладка о нём. В письме из Сорренто к С.Н. Сергеву-Ценскому от 17.04.27г. Алексей Максимович пишет: «По саду ходит, моя отчаянная внучка Марфа проказница и кокетничает с сыном Ивана Вольного – есть такой литератор – мальчиком 12 лет. Он родился на Капри, живёт в Неаполе, по-русски почти не говорит, учится в школе, признан «Королём латыни», переводится из класса в класс без экзаменов «в пример другим». А отец его орловский, Малоархангельского уезда, мужик. Вообще здесь, в Европах, русские дети в части вызывают общее изумление педагогов своей талантливостью». (М., ГИХЛ, 1956, т. 30. стр. 21).

Дальнейшее было делом техники. Открываю биографический словарь «Русские писатели. 1800 – 1917» (М., СЭ, 1989) «ВОЛЬНОВ Иван Егорович (псевд. Вольный; 3(15).01.1885 г. с Богородицкое Малоархангельского у. Орлов. губ. – 09.01.1931 г. том же), прозаик». Далее следует обстоятельная справка, к которой отсылаю желающих узнать подробности. Для нас же в данном случае важно то, что крестьянский сын Иван Вольнов, член партии эсэров, покушался на жизнь мценского исправника, за что после страшной каторжной тюрьмы, где он был закован в ручные кандалы, в 1909 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Жил в Италии, на острове Капри в 1911году встретился с Горьким, взявшим на себя роль его литературного наставника, первого редактора и критика. Под влиянием Горького политические взгляды Ивана Вольнова меняются, он отходит от эсеровской идеологии и принципов «центрального террора».

После февральской революции Вольнов возвращается на родину, где он, ставший уже известным писателем – достаточно сказать, что его

«Повесть о днях моей жизни», сопоставлялась с критикой с «Деревней» И. Бунина не в пользу последнего, — глубоко окунулся в общественную жизнь. Иван Егорович был назначен комиссаром Временного правительства в Малоархангельском уезде и избран членом Учредительного собрания. В 18-м голодном году ездил по проучению Горького в Сибирь за хлебом для Советской республики и привёз в Москву целый железнодорожный состав. А в 1919-м вернувшийся в родное село Вольнов Был арестован местными властями за своё эсеровское прошлое.

По просьбе Алексея Максимовича Ленин вмешался в дело (сведения об этом я нашла в 1-м томе другого биобиблиографического словаря «Русские писатели», М., Росвещение, 1990 г.) Сохранились ли обращения Горького к Ленину и орловским властям, мне не известно, а ленинские телеграммы цитирую.

«12.04.1919 г.

Орёл, губисполком

Копия Малоархангельск, уисполком

«Арестован литератор Иван Вольный. Горький, его товарищ, очень просит о наибольшей осторожности, беспристрастности расследования. Нельзя ли освободить под серьёзный надзор? Телеграфируйте.

Предсовнаркома Ленин».

14.04.1919 г.

Петроград,

Смольный, Горькому

Председатель орловской следственной комиссии Чужнов телеграфирует мне, что Иван Вольный временно освобождён до разбора дела.

Ленин».

«Разбор дела» закончился благоприятно для Вольнова, и 22 октября в провинцию следует новая телеграмма»

«Орёл, председателю исполкома

Копия председателю ЧК

Совершенно незамедлительно вышлите в Москву, Кремль, Совнарком все рукописи, отобранные при обыске у писателя Ивана Вольного.

Сохранность их на вашей личной ответственности. Исполнение *телеграфируйте*.

Предисполкома Ленин».

Вероятнее всего полугодовой срок прошедший после того как Вольнова «посадили в острог», оказался более чем достаточным, для того чтобы рукописи затерялись, во всяком случае, литературоведческие словари, отмечая их пропажу, о возвращении не знают...

К истории семьи Ивана Вольнова остаётся только добавить, что писатель умер молодым, не успев осуществить свои творческие планы. Сын его Илья приехал в Россию, в роковые годы Большого террора познал советские тюрьмы и лагеря[§], по счастью, выжил, в суровые для себя времена был опекаем Екатериной Павловной – её щедрого сердца хватало на всех страждущих. Илья Иванович стал учёным – химиком, автором статей, написал книгу по своей специальности. До конца (а умер он, если не ошибаюсь, в Москве в 1988 году) с глубокой признательностью и уважением вспоминал Алексея Максимовича и Екатерину Павловну.

Илья Иванович Вольнов

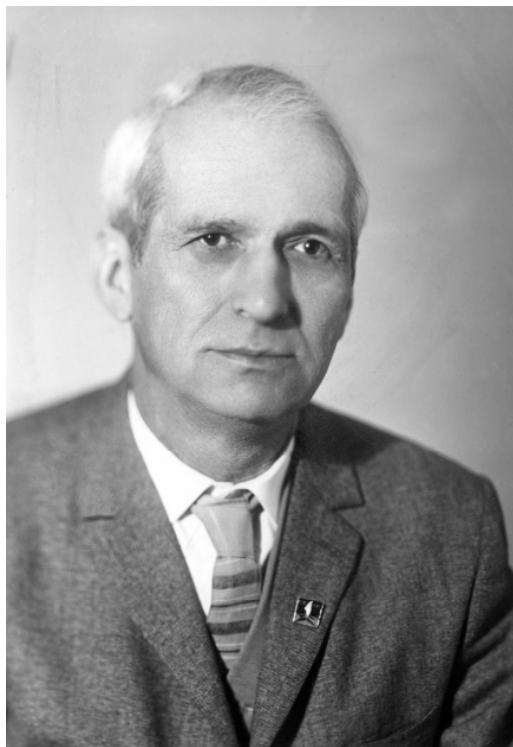
(краткая биографическая справка)

Илья Иванович Вольнов родился в г. Неаполь в 1913 г. Мать Гольдберг–Вольнова Сара Григорьевна – певица, была выслана за пределы Российской империи в Италию (для продолжения консерваторского образования) за расклейку листовок, как член фракции «Бунд» в РДРП. Отец Вольнов Иван Егорович.

В Италии Илья Иванович, по окончании с отличием школы, хотел уехать в СССР, но Горький объяснил мальчику, что новой России не нужны недостаточно образованные люди и посоветовал получить высшее

[§] Отец, слава Б-гу никогда не был в тюрьме. Речь, скорее всего идёт о лагере СМЕРШ. *Примечание М.И. Вольнова.*

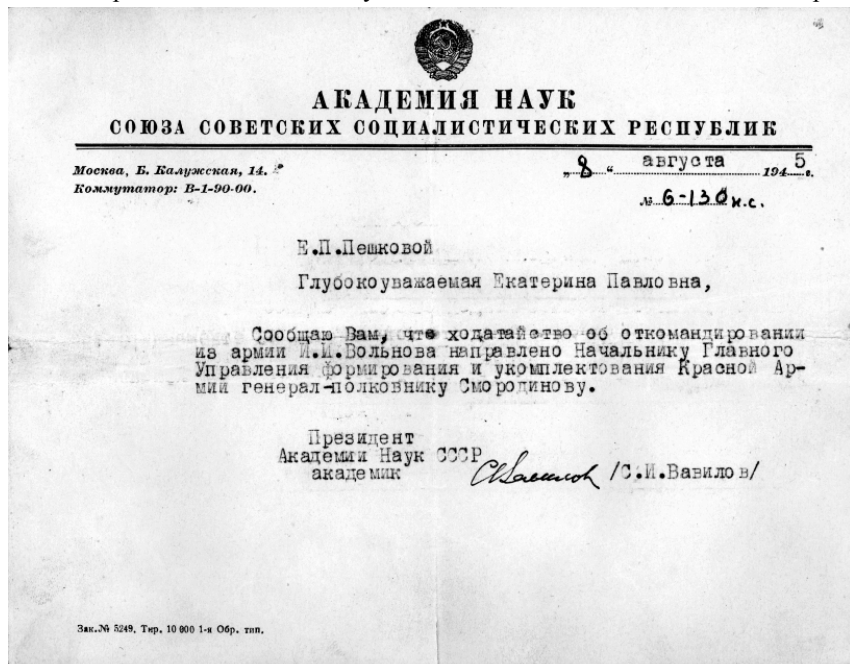
образование. В 1936г. Илья Иванович с отличием окончил Неаполитанский университет по специальности «химия» и начал работать в лаборатории Ферми .

В СССР Илья Иванович въехал 02.12.1937 г. Екатерина Павловна поселила его у себя в Москве на Чистых прудах в кабинете Алексея Максимовича, которого к тому времени уже не стало. После нескольких попыток устроиться на работу (родился в Италии) он, обратившись в комитет государственной безопасности, и с их ведома был принят на работу в институт Общей и неорганической химии Академии наук СССР.

В 1941г. имея бронь, ушел добровольцем на фронт. Воевал на Курско-Белгородском направлении в химвзводе, далее в противотанковом взводе. При прорыве наших войск после Курской битвы в составе роты оказавшейся в окружении попал в плен. В фашистском плену в лагере «Люкенвальде» представился как Волков Александр Николаевич (Ф.И.О. отца его жены Вольновой Валентины Александровны). В феврале 1945 г. совершил побег в группе с другими пленными. Попал в лагерь для интернированных к американцам. Союзникам рассказал, кто он. Ему было предложено иммигрировать в Америку как классному специалисту в области химии тяжелой воды. Но он отказался – жена – член КПСС, сын. Заверения, американцев, что по дипломатическим каналам они вывезут

жену и сына не имели успеха, и Илья Иванович был передан в зону советских войск. Естественно прошел проверку в лагере СМЕРШ. Его освобождению способствовало ходатайство Екатерины Павловны, которое было направлено С.И. Вавилову, когда И.И. Вольнов находился в лагере.

Работая после войны в институте Общей и неорганической химии Академии наук СССР руководил лабораторией «Перекисных соединений». В которой, совместно с академией химзащиты, разрабатывались и были созданы вещества для автономного дыхания подводников и космонавтов. В программе освоения Луны, ему было сделано предложение получить кислород из лунного грунта. К сожалению, тогдашнее оснащение лаборатории не позволяло начать эти работы, а позже лунная программа СССР была закрыта. Илья Иванович один из первых обратил внимание на опасность возникновения озоновых дыр в атмосфере земли.

Вольнов Максим Ильич – сын И.И. Вольнова.